

178. Я сидела у окошка
Пряла белецкий ленок.
За миленка пришли сватать,
Я под лавку грибенек.
с. Сабур-Мачкасы, Ардатов. у.,
15/VIII 25 г., П. Курочкин.

179. Ясный месяц будь свидетель,
Я с Матаней расстанусь,
В канце маю куплю яду,
Я на вовси отравлюсь.
с. Малый Барышок, Алатыр. у.,
лето 1925 г., 1-ая экскур. Кружка

180. Я ходила по пыли,
Искала топылю;
Я от тополю корней,
Привораживать парней.
с. Воецкое, Карсун. у.,
лето 1925 г., 1-ая экскурсия Кружка.

М. Звенигородская.

Социальные взаимоотношения в XVII веке и разиновщина в Симбирском крае.

В XVII веке под властью московского государства, кроме русских, находились многие другие народности, именно: татары, мари, мордва, вотяки, чувашы, башкиры и т. д. Первое время после покорения правительство Москвы не вмешивалось в жизнь не-русских народностей, а потому внутренний строй не-русского населения долгое время оставался неизменным. Впоследствии, когда правительство увидело, что народности края не исполняют требований, им предъявленных, не защищают государства, враждуют с русскими, оно окончательно подчинило себе все эти народности.

После этого покорения земли аборигенов края перешли в полную собственность Московского государства, правительство которого и старалось извлечь отсюда себе как можно больше прибыли. Хотя в то время и существовали некоторые отрасли промышленности как то: шелководство, виноградное производство, горнозаводство, соляные варницы, но все это было у частных лиц на откупах, и потому государство отсюда не получало никакой прибыли. Между тем, все его стремления сводились к тому, чтобы как можно больше пополнить государственную казну. Единственным источником к тому были русские и инородческие земли, а потому правительство и прилагало все свои усилия, чтобы отсюда как можно больше выжать себе дохода. На труд подчиненных оно смотрело тоже как на свою собственность. В глазах государства все население делилось на две части: одна должна была служить государству, другая же — платить ему и служилым людям. К числу плательщиков и относились низшие классы русско-го и инородческого населения.

Инородцы пользовались землей на одних правах с русскими, но они (в отличие от последних) должны были платить ясак (дань),

который взимался с них обыкновенно такой натурой, которая была годна для отправки за границу. Почти все, что инородцам с большим трудом удавалось приобрести, правительство отбирало у них в виде ясака. Кроме этого правительство пользовалось и другим трудом инородцев: они должны были исполнять повинности по постройке дорог, крепостей: труд их отдавался служилым людям в уплату за их службу, а затем, в случае надобности, и войско составлялось из инородческого населения.

Вообще правительство смотрело на инородцев как на что-то такое, из чего нужно всякими способами извлекать прибыль. Во всех грамотах основные мысли были след. характера: „Смотря по тамошнему делу государю во всем прибыли искать“ или „чтобы казне не было порухи, как можно было прибыльнее“.

Все эти указы в грамотах относились к служилым людям, во власть которых и были отданы инородцы и низшие классы русского об-ва. Властью своей служилые люди чрезвычайно злоупотребляли, пользуясь тем, что она у них была почти неограничена; за неподчинение они имели право пытать и, вообще, подвергать всевозможным наказаниям. Они, конечно, пользовались этим, кроме ясака брали у инородцев все, что эти последние имели, заставляли их на себя работать, уводили с собой их жен, детей, и, таким образом, направляли свой произвол не только против их собственности, но и против их жизни и чести.

Инородцы в массе были совершенно некультурны, и не знали русского языка; они подчас не знали, к кому обратиться за помощью, хотя нужно сказать, что в то время и не у кого было искать защиты. Царь был на стороне служилых людей и обыкновенно всякие попытки обратиться к нему за помощью принимались за восстания и только ухудшали положение народа, т. к. при подавлении мятежа пускались в ход всевозможные жестокости.

Так было в 1662 году в Москве. Постоянные притеснения и произвол бояр, которые усилились еще более при увеличении налогов на торговлю, вызвали мятеж среди городского населения, посадских и мелких служилых людей. Это волнение, конечно, отразилось на селе, которое в то время почти ничем не отличалось от города.

Угнетенный, измученный до последней степени народ решил искать управы на своих притеснителей у царя. Толпы направились в село Коломенское, где он в это время обитал. Но народу пришлось жестоко поплатиться за эту попытку—царь встретил его с оружием и многие были перебиты, многие наказаны и сосланы в дальние города на поселение.

Приказные люди, воеводы, которые были назначаемы для защиты населения, сами грабили, поддерживали всякого разорителя, были заодно с промышленниками, эксплуатировавшими народ и, таким образом сами еще больше ухудшали положение народа.

Судебная сторона дела тоже была ужасна, жизнь инородца не ценилась ни во что, их страданиями только забавлялись.

Всеэтимучения служилый люд производил ради собственной наживы, тем более каждый из них назначался на воеводство только на два года и в течение этого короткого времени всякий старался нажить за счет другого.

У служилого класса в то время было больше оружия, больше укреплений, а потому угнетаемый люд, разрозненный и безоружный, не в силах был сдержатъ стремление бояр к наживе. А эти последние, пользуясь бессилием подчиненных, всячески старались выжимать из них последние соки, страшно богатея при этом; ясачные же (инородцы), несмотря на неустанный труд, впадали в ужасную бедность.

До 1649 года положение народа было всетаки лучше, т. к. были в силе так называемые „урочные лета“, т. е. кр-н мог бежать от своего помещика, пробыть в бегах определенное время и после этого мог безопасно для себя и своего семейства появиться даже вблизи своего старого местожительства. Уложением же 1649 года было введено полное закрепощение кр-н, у них была отнята последняя возможность бегством избавиться от притеснений и произвола землевладельца. Все это было сделано правительством из желания угодить помещикам, которые представляли из себя в то время главную военную силу.

Ради этого были поцраны все интересы кр-на, личность его сводилась к нулю, он становился холоном, должен был во всем подчиняться помещику, не имея даже права, в случае злоупотреблений, жаловаться на своего господина. Итак, с введением уложения, тягости налагаемые на кр-н увеличились еще более, помещик имел право судить, „сажать в тюрьму, в колоду, в железо, бить батогами и кнутом“. Таким образом, недовольства было много, а единственным выходом у кр-н было бегство, которое теперь принимало характер преступления. Но несмотря на это, беглых было много и, как показывают грамоты, они направлялись больше всего в Н. Новгород, а поэтому туда было послано не мало сыщиков, которым было приказано: „Посадских людей и уездных кр-н и мордву и татар расспрашивая и сыскивая подлино и из тех беглых людей и кр-н выбрав по 10 человек, человека 2 за побег бить кнутом, чтоб впредь им и иным не повадно было бегать и выслать их за поруками с женами и детьми и с животы в прежние их места и дворы откуда кто бежал и велеть им жить и государево тягло платить: посадским на посаде, а татарам, мордве и черемисам ясак по прежнему платить сполна“. Крестьянам, водворенным на прежнее местожительство, жилось, конечно, еще хуже, а потому они снова бежали, но в места более удаленные: на север, в Сибирь, а чаще всего на Дон, где существовал обычай не выдавать беглых. Сравнительно с русскими инородцам жилось гораздо хуже, т. к. разность веры и языка ставила их в дурное положение даже в глазах беднейшего русского населения и служилые люди с ними еще менее стеснялись, чем с русскими.

Правительство вместо того, чтобы улучшением положения народа уменьшить процент бегущих, придумывало всевозможные наказания и тем, конечно, только увеличивало побег.

Таким образом, количество недовольных все увеличивалось и увеличивалось. Особенно много их скопилось в пределах Симбирской черты, куда их привлекало плодородие почвы и, вообще, природные богатства этого края. Здесь были, кроме кр-н, беглые стрельцы, посадские и казаки, а потом государство сюда насильно для заселения переправляло людей и даже ссылало в наказание. Самое же большое количество беглых скопилось на Дону, а потому там начался сильнейший голод. Это можно видеть из слов одной грамоты: „Во многие донские городки пришли беглые боярские люди, кр-не с женами и детьми и оттого ныне на Дону голод большой“.

Кр-не, превращаясь в воинов, совсем не хотели заниматься хлебопашеством, и оно было запрещено на Дону. Хлеб же доставлялся на Дон в очень небольших количествах Московск. правительством, только в виде жалования, служилым людям, домовитым казакам. Эти последние составляли здесь высший класс об-ва. Другая-же, большая часть казачества, должна была или голодать или принять те или иные меры к улучшению своего быта.

И вот, в конце 60 годов XVII века, среди голытьбы, голи казачкой, началось движение и, как всегда бывает в таких случаях, очень скоро нашелся и руководитель в лице Степана Тимофеевича Разина. Состав полчища Разина был в высшей степени разнообразный: прежде всего в него входили голутвенные казаки (голь), затем черкасы, т. е. выходцы из Малороссии, яицкие казаки, великоруссы, татары, ляхи, чувашки, черемисы, мордва, калмыки, башкиры,—все они были или беглые холопы, или кр-не, посадские, всякие гулящие люди и, вообще, вся недовольная беднота—голытьба. Все это войско, предводительствуемое Разиным, прежде всего совершило удачный поход на Персию. Возвращаясь оттуда к устью Волги, Разин выказал готовность принести повинную и часть своих дорогих вещей оставил, действительно, Астраханскому воеводе, который, убоясь многочисленности его войска, беспрепятственно пропустил его дальше. Разин подошел к Царицину и очень легко, при сочувствии народных масс, овладел им. Затем он вернулся на Дон и пробыл здесь с осени 1670 года до весны.

Весною же Разин с пятитысячным войском снова двинулся на Волгу, снова овладел Царицином и объявил собравшимся казакам свое намерение идти вверх по Волге, истреблять воевод и приказных людей. Чтобы оградить себя от опасности с юга, Разину нужно было присоединить Астрахань. Он легко разбил царское войско, надвигавшееся с севера, а стрельцы, посланные Астраханским воеводою, все перешли на сторону Разина. При содействии этих стрельцов и

общем сочувствии народа, Разин 24-го июня легко овладел Астраханью и ввел в городе казачье устройство. В половине июля он отправился вверх по Волге. По берегу двигалась его конница. Саратов сдался ему без боя, Самара скоро тоже была в руках Разина. С присоединением каждого города число сподвижников его все увеличивалось, т. к. в лице народа Разин нашел себе сочувствующих и все поголовно с удовольствием вступали в его войско. В конце августа Разин направился к Симбирску. Симбирск в то время имел такой же вид, как и все города того времени. Он состоял из двух частей: внутренней и наружной. Первая, расположенная на венце Симбирской горы, носила название „Рубленный город“, „Кремль“ или „Крепость“. Она представляла из себя четырехугольник 800 сажен длиною и 200 шириною, обнесенный бревенчатой стеной. По углам стены стояли башни, а вокруг ее был вырыт ров. Наружная часть-посад, была расположена вокруг кремля и также была обнесена стеною и рвом. В посаде находилось укрепленное место, называемое „острогом“. На небольшом расстоянии от кремля были расположены слободы.

4 сентября Разин остановился на стругах в трех верстах от города. Ночью он обошел Симбирск и поднялся на полверсты выше его. Утром 5-го сентября расположил свое войско на горе, намереваясь сделать приступ. Здесь встретил его со своим войском Борятинский. Разин без труда разбил неприятеля и с помощью симбирцев легко завладел острогом. Население Симбирска в то время было самое разнообразное; большинство состояло из крепостных крестьян и холопов, из пришельцев, не успевших ужиться на новом месте, и беглых, постоянно дрожавших за свою жизнь и т. д. Весь этот забитый народ был рад приходу Разина, принесшему с собой освобождение от угнетателей.

Приверженцы Разина, пользуясь общим недовольством, возмущали народ против правительства: в селах крестьяне избивали помещиков и присоединялись к войску Разина, в городах население с почетом встречало казаков и вводило у себя казачье устройство. Под Симбирском от войска Разина отделилось несколько групп казаков однако из них, под предводительством Харитонова, направилась к Корсуну. Население этого города уничтожило воеводу, его семью и присоединилось к войску Харитонова. Вторая группа, под предводительством Максима Осипова, двинулась к Алатырю. На пути к ней присоединились казаки Симбирской и Корсунской городской черты, помещичьи крестьяне сел Промзина, Чиберчина, Барышской слободы, Стемаса и др. 16-го сентября они подошли к Алатырю, зажгли острожную башню; пожар распространился и на рубленный город. Воевода Вутурлин с женою и детьми заперся в церкви и сгорел там. Из Алатыря казаки пошли в Курмыш; здесь местное население встретило их с почетом. Дальше они направились было в Нижегородскую губернию, но были вызваны к Симбирску, оказать помощь своему предводителю.

В то время, как приверженцы Разина действовали в разных местах Симбирского края, сам Разин старался овладеть Симбирском. Он укрепил острог и повел правильную осаду рубленого города, в котором заперся воевода Милославский. Войско Разина увеличилось к тому времени до 20 тысяч, положение же Милославского все ухудшалось, так как в рубленном городе был большой недостаток воды. Но ему на помощь 1 октября пришел с новым войском Борятинский. Узнав об этом, Разин отобрал лучших своих казаков и вместе с ними напал на Борятинского, но потерпел поражение. Затем он собрал все свое войско и снова вступил в бой, но опять потерпел большие потери и сам был ранен. После этого, с остатком своего войска, Разин заперся в острожной башне. Битва продолжалась с утра и до вечера. Ночью Разин стал приступать к рубленому городу, но после долгой и упорной борьбы был разбит и принужден вернуться со своими казаками на Дон. Впоследствии он был схвачен и казнен в Москве.

Людское взволнованное море, несмотря на отсутствие вождя, долгое время не могло успокоиться. Сам Разин на долго оставил в памяти народа неизгладимое впечатление. Он,—как про него пишет Н. Н. Фирсов в своем сочинении „Разиновщина“,—„обладал всеми физическими и психическими данными, чтобы оказать могущественное влияние на толпу, вызвать ее подражание; обладатель физической мощи древнего исторического богатыря, Разин совмещал в своей психике, острый умеющий пользоваться обстоятельствами ум с необузданным чувством и непреклонной волей. Это была натура столь же широкая, как необозримая, ее породившая, русская степь. Это несомненно был один из тех самородков, которые иногда выбрасываются из таинственных недр народной жизни на ее поверхность и поражают наблюдателя преимущественно какой-то истинно богатырскою неукротимостью воли. Постоянные опасности и беззаботно презрительное отношение к своей и чужой жизни и смерти, создавая путем наследственности самородки воли, в то же время и закаляли их до такой твердости, что смять их, согнуть не оставалось никакой возможности; их можно было только разбить чемнибудь более крепким, более громоздким... Разин и был таким прирожденным и закаленным условиями жизни и среды стальным характером, богатырем воли и действия“. Такому человеку народ безусловно верил и шел за ним всюду с уверенностью в полной победе. Разин видел, что пришло время, когда можно много сделать для гольтыбы, которая так развилась и которой он так симпатизировал. О тяготении Разина к гольтыбе ясно говорят Казацкие песни:

„Во казачий круг Степанушко не хаживал,
Он с нами, казаками, думушку не думывал,
Ходил—гулял Степанушко во царев кабак;
Он думал крепкую думушку с гольтыбою.

Вся вольница Разина отличалась жестокостью и убийство у нее было делом обыкновенным. Сам Разин и его сподвижники были часто пьяны и в это время в них замирали последние чувства жалости и только из глубины души, отуманенной вином, поднималась вековая ненависть, классовая вражда. В такие минуты Разин впадал в экстаз необузданности и, вероятно, в один из таких моментов он утопил в Волге свою любовницу, персидскую княжну. Но вся жестокость Разина и его приверженцев направлялась только против ненавистного им класса, об-ва бояр, приказных, угнетателей и разорителей народа. А к бедному люду Разин относился очень ласково и всегда щедро награждал его. Высказывая свои мысли в обращениях к народу, он говорил, что он не хочет быть царем, а хочет отобрать у бояр, помещиков и приказных все добро, нажитое трудом народа, и ввести по всей Руси вольное казачество: „установить на Руси казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен“.

Идеал Разина был казацкий дуван и круг с выборным атаманом во главе. Все идеалы и стремления Разина были очень близки народу, они вели к освобождению от холопства и крепостной зависимости. Таким образом, разиновщина имела политическое значение: в ней выражалась оппозиция измученного и разоренного до последней степени народа против существующего строя, против притеснений и произвола администрации и, главным образом, против крепостной зависимости.

Дорого пришлось народу впоследствии поплатиться за свою попытку освободить себя из-под тяжелого гнета, т. к. правительство не останавливалось ни перед чем, вводя в стране спокойствие. Но все-таки это событие навсегда осталось в памяти народа в виде песен, которые показывают, что народ очень любил Разина и с глубоким сочувствием относился к его гибели:

„Вы дружья ли наши братцы, товарищи!
Леса наши все порублены,
А кусты наши все поломаны,
Все станы наши разорены,
Все дружья наши, товарищи, переловлены,
Во крепкие тюрьмы наши товарищи посажены,
Резвы ноженьки в кандалах заклепаны,
У ворот-то стоят грозные сторожи,
Грозные сторожи, brave солдатушки,
Никуды-то нам, добрым молодцам, ни ходу, ни выпуску;
Ни ходу, ни выпуску из крепкой тюрьмы.“
